

СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ И ДИАЛЕКТА

EVGENIYA V. BRYSIINA, VASILII I. SUPRUN
AREAL STUDIES POTENTIAL OF THE DON COSSACK CULTURE AND DIALECT

Евгения Валентиновна Брысина

доктор филологических наук, профессор,
директор Института русского языка
и словесности

► filolog@vspu.ru

Василий Иванович Супрун

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и методики
его преподавания

► suprun@vspu.ru

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

400066, Волгоград, пр. Ленина, 27

*Evgeniya V. Brysina,
Vasilii I. Suprun*

*Volgograd State Social and Pedagogical
University*

*Moscow, GSP-1, Leninskie Gory, 1
Volograd, V. I. Lenin Ave., 27*

Любой живой язык сохраняет свою жизненную силу до той поры, пока существует в виде диалектного континуума. Современные русские говоры, несмотря на постоянные процессы развития и преобразований единиц и явлений в них, взаимодействия друг с другом и с литературной формой языка, не превращаются в исчезающие исторические реликты, а остаются активно функционирующей языковой системой, которая обнаруживает свою оригинальность, самобытность, способность к саморазвитию. Многие российские учёные (В. М. Алпатов, Т. И. Вендина, А. С. Герд, В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, Р. И. Кудряшова, Л. М. Орлов, А. М. Пешковский, А. П. Сдобнова, С. М. Толстая, Н. И. Толстой и др.) рассматривают диалекты как особый вид речевой культуры и отмечают особенность форм мировидения диалектоносителей, их своеобразный подход к познанию и категоризации окружающей действительности. Особые условия формирования и развития донского казачества как обособленного военно-социального сословия способствовали появлению уникального субэтноса русского народа. Все трудности военного быта, уникальное устройство казачьего социума с его Казачьим кругом как высшим органом самоуправления, особенности организации повседневной жизни — всё это нашло отражение в казачьей культуре и языке, аккумулирующих в себе все детали исторических изменений в жизни донских казаков. Этнолингвокультурологический анализ диалектных слов и фразем позволяет утверждать, что в процессе семиотической деятельности диалектоносители, создавая свой уникальный региолект, отражали в нём (как сознательно, так и на уровне коллективного бессознательного) особенности своего мироощущения и миропознания, что в конечном итоге сделало многие диалектные слова и фраземы культурно маркированными единицами идиома. Проанализированный материал убедительно доказывает исходную идею о высокой культурологической ценности диалектных слов и фразем, позволяющей использовать данные языковые единицы в качестве богатейшего источника страноведческой информации.

Ключевые слова: донское казачество; субэтнос; диалект; обычаи; традиции; социальная изоляция; военизированная культура; лексика; фразеология.

Any living language retains its vitality as long as it exists as a dialect continuum. Modern Russian dialects, despite the constant processes of development and transformation of their units and phenomena, their interaction with each other and with the literary form of the language, do not turn into disappearing historical relics, but remain an actively functioning language system that reveals its originality, distinctive character and self-development ability. Many Russian scholars (V. M. Alpatov, T. I. Vendina, A. S. Gerd, V. E. Goldin, O. Yu. Kryuchkova, R. I. Kudryashova, L. M. Orlov, A. M. Peshkovskiy, A. P. Sdobnova, S. M. Tolstaya, N. I. Tolstoy, etc.)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-412-340004 «Духовная культура донского казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы».

consider dialects as a special type of speech culture and specify the peculiarity of dialect speakers' worldview forms, their specific approach to cognition and categorization of the surrounding reality. The special conditions of the formation and development of the Don Cossacks as a separate military and social stratum contributed to the emergence of a unique Russian sub-ethnic group. All the difficulties of military life, the unique structure of the Cossack society with its "Cossack circle" as the highest self-governing body, the peculiarities of the organization of everyday life, have been reflected in the Cossack culture and language, accumulating all the details of historical changes in Don Cossacks' life. Ethnolinguoculturological analysis of dialect words and phrasemes suggests that dialect speakers, while creating their own unique regional dialect in the process of their semiotic activity, reflected in it, both consciously and unconsciously, the features of their worldview and world knowledge, which ultimately made many dialect words and phrasemes culturally marked units of the idiom. The analyzed material convincingly proves the original idea of the high cultural value of dialect words and phrases, which gives a possibility to use these language units as a rich source of area studies information.

Keywords: Don Cossacks; ethnic subdivision; dialect; customs; traditions, social isolation; paramilitary culture; vocabulary; phraseology.

1. Введение

Российское казачество является неотъемлемой частью истории и культуры Российского государства. Став на южных рубежах страны надёжным щитом от набегов кочевников и посвятив себя миссии защитника Отечества, казаки навеки соединили свои судьбы с судьбой России. Сформировавшиеся в жестких условиях военизированной культуры казачества и его самобытный идиом содержат в себе неиссякаемый страноведческий потенциал, способный существенным образом дополнить, расширить, уточнить культурно значимую информацию об истории, культурных традициях и языке русского народа.

Изучая не знакомый нам ранее язык, мы традиционно опираемся на узу, норму, стремясь освоить базовые образы новой для нас культуры. Как правило, это нормы литературного языка, способного, благодаря своей полифункциональности, покрыть лингвокультурологический интерес любой степени проявления. Обычно так и происходит, поэтому к заданному времени основные ценностные установки и этнокультурные стереотипы, представленные в самой системе литературного языка и особенно в его фразео-паремиологическом

фонде, оказываются изученными и осмысленными. Повышенный уровень освоения лингвокультурологической компетенции, на наш взгляд, предполагает усвоение через язык культурно маркированной информации, выходящей за пределы литературного языка, особенно если это касается этнокультурной составляющей общероссийской истории и культуры. На сегодняшний день совершенно неисследованной в страноведческом аспекте оказалась народная, диалектная лексика и фраземика, чей образный национально маркированный потенциал может заметно расширить представления о жизни (быте, истории и культуре) русского человека и российского государства в целом, поэтому разговор о культурологической значимости казачьей культуры и диалекта представляется важным и актуальным.

2. Диалекты как особый вид речевой культуры. Методы исследования

Современные говоры — это далеко не исчезающие исторические реликты, как может показаться сторонникам идей о «смерти диалектов», они являются активно функционирующей языковой системой, которая, хотя и меняется под влиянием соседних говоров и литературного языка, тем не менее остаётся вполне жизнеспособной, обнаруживая свою оригинальность, самобытность, способность к саморазвитию. Любой живой язык сохраняет свою жизненную силу до той поры, пока существует в виде диалектного континуума. Рассматривая диалекты как особый вид речевой культуры, многие учёные (В.М. Алпатов, Е.Л. Березович, Т.И. Вендина, А.С. Герд, В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова, Р.И. Кудряшова, Ю.М. Лотман, Л.М. Орлов, А.М. Пешковский, А.П. Сдобнова, Н.И. Толстой, С.М. Толстая и др.) отмечают особенность форм мирозидения диалектоносителей, их своеобразный подход к познанию и категоризации окружающей действительности, специфику погружения в чувственно-конкретные явления, что проявляется в богатстве и многообразии языковых средств, участвующих в представлении предметов, их свойств и характеристик, в описании признаков, свойств, действий и состояний.

Связь истории, культуры, специфики мировосприятия народа и условий повседневного быта с его языком особенно наглядно проявляется так же, как и в литературном языке, в лексико-фразеологической системе говора, наиболее оперативно отражающей все актуальные для диалектоносителей знания об окружающем мире. В образных, эмотивно-оценочных единицах, содержащих в себе элементы многовекового опыта, народ воплощает свои представления о морали, о правде и справедливости, о нравственности и нарушении её канонов, фиксирует что-то важное, существенное, представляющее несомненную ценность в качестве культурного опыта для будущих поколений.

При подготовке материала нами использовались методы полевых исследований, архивной работы, когнитивные методы интерпретационного анализа, синтетический метод этнолингвокультурологической интерпретации, метод сравнительно-исторических исследований. Использование данных методов и приёмов позволило максимально объективно представить донской диалект, отражённые в нём реалии казачьей культуры и особенности мировосприятия казаков.

3. Донское казачество как субэтнос русского народа

Объективная реальность существует вне человека и представляет собой некую универсалию, но опыт её освоения у каждого народа свой, потому что условия заселения определённой территории, исторические этапы развития общества, складывающиеся многовековые привычки, обычаи и традиции, географические и климатические особенности края несомненно обладают своей уникальностью, неповторимостью. На культуру казаков, на особенности их языка значительное влияние оказала история формирования казачества как особого субэтноса русского народа. Сформировавшаяся в ходе этого процесса культура казаков и их язык позволяют по-новому взглянуть на некоторые факты традиционной культуры.

Не углубляясь в дискуссию о происхождении казачества, заметим лишь, что мы поддерживаем точку зрения исследователей о казаках

как особом субэтносе русского народа. *Особом* — потому что генетическая доминанта казачества — представители русского этноса, беглые с южных окраин России, отчасти и с других территории страны (крепостные, каторжники, подвергающиеся преследованиям по разным причинам и другие спасающиеся от неволи русские люди), но при этом некоторую роль в формировании казачества сыграли и другие народы. Так, уже с середины XVIII столетия на Дон стали переселяться массами украинские крестьяне. Они селились в станицах и числились «станичными малороссиянами». В 1763–1764 гг. из 20422 малороссов мужского пола, проживающих на Дону, 8626 были приписаны к станицам [Нарежный, Самарина 2001: 214]. Время от времени приказами Военной коллегии этих малороссиян записывали в казаки данной станицы и освобождали от подушного оброка.

Украинский язык сильнее всего отразился в нижнедонских говорах, однако и в языке верховых казаков прочно укоренились украинизмы, которые полностью освоены носителями диалекта и не осознаются ими как заимствования. Среди украинизмов употребительны глаголы: *вечерять* ‘есть вечером, съесть ужин, ужинать’; *кохать* ‘любить кого-л.; пестовать, заботиться о ком-л.’; *трусить* ‘1. Трясти, тормошить, дергать. 2. Трясти (о лихорадке)’; *шукать* ‘стараться найти, обнаружить, искать, разыскивать’; существительные: *гас* ‘устар. Горючая жидкость, получаемая перегонкой нефти; керосин’; *груба* ‘кирпичная печь, служащая для обогрева дома или (с конфорками) для приготовления пищи, иногда с выступом-лежанкой’; *корец* ‘1. Ковш для воды; 2. Совок для мусора, для выгребания золы из печи; 3. Разливательная ложка, половник; 4. Мера для зерна, ковш’; *рушник* ‘1. Полотенце; 2. Вышитое праздничное полотенце’; прилагательные: *нехаянный* ‘запущенный, неухоженный’; *коханный* ‘любимый, обласканный, окруженный заботой’ и мн. др. Ср.: *Вечерять пара, а то уш тимнеить. Садитесь вечерять, фсё стынить. Ента какой-та конь нехаянный. Дефка у них растёт кохаяная и лилаяная.* ◇ *Растил, кохал, холил, а она остраматить меня захотела* (Е. Кулькин. Смертный грех); ◇ *Подошла*

соседка. — Марьюшка, водички у тебя позыичить с полведра. — Что ж, черпни. (А. Серафимович. Голос в степи).

Заметную роль в формировании низового донского казачества играли татары. В XIII столетии они построили в устьях Дона крепость Азак, или Азов и образовали Азовский ханат. Азовским ханатом правили Гирей, родственные крымской династии. Азак чеканил свою монету [Волков 2008]. В состав ханата входили татарские поселения, расположенные главным образом на Нижнем Дону. С продвижением казаков вниз по Дону жители этих поселений были ассимилированы казаками, однако татарский язык сохранялся в этих местах. В. Д. Сухоруков подробно описывает предсвадебный ритуал демонстрации приданого, называемый *подушки*. После того как молодые люди поцеловались, подружки невесты (*чиберки*, т. е. портнихи, они же подносчицы хмельного мёда) бросали в сидящую на подушках пару другими подушками и приговаривали: «Раса сага басен». Автор в примечании даёт перевод: «потатарски: и вам того желаем» [Сухоруков 1824: 319]. Е. П. Савельев отмечает, что у низовых казаков татарский язык был в большой моде [Савельев 1915: 375]. М. А. Миллер сообщает, что татарский язык в некоторых казачьих семьях в Новочеркасске сохранялся вплоть до 1930–х гг. [Миллер 1953]. В Подонье встречаются названия: *Мечетинская* станица, река *Мечётка*, курган *Мечётка* возле Калача-на-Дону и др. Эти топонимы свидетельствуют о том, что здесь когда-то находилось татарское поселение с мечетью. Сохранились татарские названия рек на Дону: *Акса́й*, *Арчеда*, *Бердия*, *Бузулук*, *Бурлук*, *Елань*, *Кардаил*, *Карман*, *Кирхина*, *Кумылга*, *Курмоярский*, *Куртлак*, *Сал*, *Сулак* и др. [Крюкова, Супрун 2009]. Частью казачьей столицы Черкаска была станица *Татарская*. Казачьи костюмы, и мужской, и женский, были в значительной степени татарские, и их части носили татарские названия: у мужчин — *папах*, *зипун*, *чекмень*, *кушак*, *шаровары*, у женщин — *колтак*, *чикилики*, *кубелёк*, *чирики* и др. Много других татарских слов вошло в казачьи говоры: *чумбур*, *арчак*, *аркан*, *чепрак*, *курень*, *майдан*, *каймак*, *сюзьма*, *арьян* и т. д.

Известную роль в формировании донского казачьего войска играли также калмыки и другие народы. На Дону бытуют фамилии, указывающие на возможное национальное происхождение предков: *Калмыковы*, *Грековы*, *Греченковы*, *Туркины*, *Турчаниновы*, *Персиановы*, *Грузиновы*, *Волошиновы*. Казаки привозили из походов себе жён турчанок и черкешенок, мальчиков-сирот, оставшихся после убитых родителей, которые становились основателями рода. Разумеется, не все носители таких фамилий были потомками народов, упомянутых в их основе. Прозвище основатель рода мог получить по внешнему виду (похожий на грека, калмыка, грузина и т. п.), по проживанию в краях, населённых этими народами и т. п.

Следовательно, в числе предков казаков были преимущественно русские, но также украинцы, татары, черкесы, турки, грузины, персы, армяне, поляки, калмыки и др. Всё это не могло не отразиться и в языке, и в культуре донского казачества. Оно стало той толерантной средой, попадая в которую культурные заимствования и лексемы нерусского происхождения полностью осваивались казаками на протяжении столетий и органически соединялись в единую лингвокультурную систему. Высокая степень освоения заимствований сказалась и на фразеологической активности подобного рода лексем. Диалектные фразеологизмы *не суй*, *не пхай* — и так нехай 'о никчёмном, не приспособленном к жизни человеке', *ни коханий ни лелеяный* 'о том, кто не испытывал заботы и ласки близких', *позыичить у собаки глаза* 'о бессовестном, наглom человеке', *Батыев илях* 'Млечный путь' и др. являются свидетельством уже нового этапа формирования как самого казачества, так и его языка, когда в речи казаков начинают активно использоваться слова из других языков и воспринимаются ими как слова родного языка.

4. Мироощущение донского казака и его отражение в идиоме

Донской диалект аккумулировал в себе не только бытовые подробности казачьей жизни (в значительной степени тюркские наименования домашней утвари, одежды, украшений, элементов

декора, названия кушаний и др., пришедшие в казачью культуру вместе с нерусскими женщинами), но и уникальные сведения из истории и культуры казачества, начиная с истоков и по сей день. Так, из пословиц, поговорок, фразем мы узнаем, что первые годы освоения территории Дикого поля сопровождалась постоянными набегами казачьих ватаг на соседей-кочевников и проходящие торговые караваны на Дону, Волге, Каспии: *пойти на море погулять* ‘заняться разбоем’; *ходить за зипунами* ‘охотиться за добычей’. В походах и боях воины закалялись. Они лихо скакали на конях, ловко владели разными видами оружия (особо привычными и любимыми были сабля и длинная пика), вырабатывали в себе выносливость и неприхотливость к условиям существования: *каждый кустик ночевать пустит; где казак остановился, там и приют нашёл*.

Принимая во внимание боевые навыки казаков, их воинское мастерство и самоотверженный нрав и стремясь обезопасить свои южные границы от набегов самих казаков и от разорения кочевниками, царское правительство принимает решение заключить с казаками государственный договор, по которому последние переходят на официальную службу государства, освобождаясь от подати и образуя особое военное социальное сословие, основная миссия которого — защищать границы России. Правительство старалось и подчинить себе казаков, и умиловить. Служивым платилось жалованье. Правда, до тех пор, пока они не начали бунтовать, не выдерживая унижения и открытого давления со стороны властей: *Руби меня, татарская сабля, но не бей меня, царская плеть*. В казачьей среде родились великие бунтари, правдоискатели, вожди народных восстаний, потрясших крепостную Россию: Степан Разин, Емельян Пугачев, Иван Болотников. Исторический завоеватель Сибири для Русского государства Ермак (Ермак Тимофеевич Чигин), по одной из версий, тоже выходец из донских краев.

Переход казаков на службу государства послужил началом нового этапа развития казачества как социально изолированного сословия и заложило основы формирования новой культуры военизированного типа [Кудряшова 1998].

Несмотря на приобретённую некоторую зависимость от государства, казаки сумели отстоять свои главные ценности — волю, самостоятельность (автономность) и боевое искусство. Сохранялись приоритеты полной опасности, но всё же свободной жизни: *Жизнь собачья, зато воля казачья; Лучшие смерть в поле, чем в бабьем подоле; Казаку на поле брани смерть красна*. В связи с новыми условиями жизни меняется и устройство социума, и сам язык. Появляются новые военные должности, разрабатываются в деталях и уточняются чины, их обязанности, род деятельности. Так, *атаманами* (выборный руководитель в казачьих войсках и селениях) стали называть разного рода руководителей, организаторов, ср.: *ватажный атаман* — 1) руководитель (рыболовецкой) артели: *Был такой ватажный атаман — начальник ватаги. А ватага — рыба-лавещкая артель* (Урюпинск). 2. Тот, кто возглавляет масленичные гуляния, руководит праздничным шествием. *И ватажный атаман идёт са знамёнами* (Урюпинск). $\diamond$ *Существовал обычай на Масленицу «ходить со знаменем “ватажного атамана”, двух “судей” и “квартирмистра”* (Обряды и праздники на Дону). *Войсковой атаман* или *наказной атаман* — главный руководитель Войска Донского, который наделён верховной властью на Дону; назначался царём: $\diamond$ <...> *Войсковой атаман Василий Орлов <...> и не думал предоставлять былые права кругу и казакам* (Казачий круг. 1992. № 21). *Окружной атаман* — выборный руководитель округа у казаков. *Акружной атаман вышвы станичнава был* (х. Зимняцкий). *Станичный атаман* — избранный местным населением руководитель станицы, власть которого распространяется и на хутора, относящиеся к ней. *Ф станицы — станишний атаман, в округи — акружной атаман* (х. Краснов). *У нас было ф станицы сямнацать хутароф, у нас был атаман станишний* (ст. Курмоярская). *Хуторской атаман* — избранный местным населением руководитель хутора. *Рукавадил фсем хутарской атаман, каторый патчинялся станичнаму атаману* (х. Зимняцкий). *У нас хутарскова атамана пириизбрали* (х. Дурновский). *Гулёбный атаман* — распорядитель казачьей пирушки или

игры. ◇ «Гулёбный атаман» отвечал за поведение каждого казака не только перед участниками игры, но и перед станичным правлением (Обряды и праздники на Дону). Атаманцем называли на Дону молодого высокого стройного, с боевой выправкой казака, служившего в Атаманском полку при царе, или любого другого казака, обладающего военной выправкой. На основе семантически развёрнутого переноса по внешности атаманцем могли назвать и птицу, животное, ср.: *Вон гусак у нас вышагиваитъ — настоящий атаманиц* (х. Двойновский). Частое употребление слов и выражений, связанных с военной сферой деятельности казаков, повышает их фразеомообразующую активность, ср.: *От нашего полку нет толку* — о безрезультативной деятельности; *не нашего сукна епанча* — о чужаке, где *епанча* — часть военной казачьей одежды — широкий, безрукавный круглый плащ с капюшоном; *наши жёны — ружья заряжены* — о преимущественно походной жизни казаков, удалённости от семьи.

Основными занятиями казаков были охота и рыболовство. Эти формы деятельности были удобны при кочевом образе жизни. Позднее, когда повсюду на юге стали выстраиваться заставы, образовываться хутора и станицы, стало активно развиваться земледелие и скотоводство. Пахала, сеяла, ткала, вязала и убирала снопы, молотила и молола зерно, пекла хлеб, ухаживала за скотом и воспитывала малолетних детей — всё это делала казачка, белолицая, чернобровая, осанистая, бесконечно выносливая женщина. А казак почти всю свою жизнь проводил то в походе, то на службе. «Если донские казаки во время долгих походов добыли великую славу Войску Донскому, то трудолюбивые домовитые казачки сохранили и земли, и богатство, вырастили и воспитали детей» [Коробков 1985: 20].

Само собой разумеется, что православное казачество бережно следует классической православной традиции, соблюдая все посты, праздники, исполняя все церковные обряды и, как и положено прилежным прихожанам, регулярно посещая церковь, зная и используя соответствующие молитвы. Однако у казаков появились и свои собственные молитвенные тексты, содержание которых не-

редко подчёркивает «избранность» казаков, их социальную особенность, отличие от «мужиков», не обладающих такой степенью свободы и самоотверженности в бою. Одна из распространенных молитв на Дону начинается словами *Слава тебе, Господи, что мы казаки!*.. В своих молитвах казаки просят у Господа силы и мужества, мудрости и храбрости для успешной борьбы с врагом, просят поддержать их в битве за Родину и Отечество, ср.: *Ты с нами, Господи! Да уразумеют народы, что Ты с нами! С Тобой страха не имеем, смерти не страшимся! С Тобой единицы нас будут знать тысячи врагов, а десятки — тьмы их! Даруй единомыслие и согласие вождей наших и даруй нам скорую, решительную и бескровную победу!* В годы тяжёлых испытаний казаки просят у Господа поддержки, которую видят в объединении сил: *Господи сил, с нами будь! Десницею твою крепче булата соедини Всероссийское казачество! Пусть Тихий Дон и Яик, Бурный Терек, Кубань многоводная, Астраханское и Оренбургское Войска, и за Уральским хребтом, за рекой Иртышом всё братское Казачество в единении со всем Русским Народом с мечом в руке, с крестом на груди в едином могучем порыве сокрушит главу Змия-диалола и великому Русскому Народу укажет высокий его жребий!* (записано в ст. Нижнечирской).

Наряду с традиционными для русской культуры понятиями патриотизма, любви к своей малой родине, долга и чести, уважения к старшим и семье, дружбы и товарищеской поддержки в казачьей среде особо значимыми оказываются такие понятия, как *служба, воля, конь, воинское предназначение, песенная культура* и некоторые др. Многолетняя служба в казачьих войсках отразилась на особом мироощущении казака-воина, для которого сельский труд (для крестьянской России один из важнейших параметров жизни) оказался не столь актуальным. Домашним хозяйством и полевыми работами была обременена женщина — практически одна, без мужа она воспитывала детей, зарабатывала на пропитание, работала в поле. Казак, даже когда был дома, неохотно принимал участие в текущих делах (на Дону широко известна шутка: *...а вдруг война?! А я усталый...*). В культуре казачества

хозяйственная обрядность представлена мало, в основном через обрядовые действия женщин.

5. Воля и служба как базовые ценности донского казачества

В духовной культуре казачества базовая ценность — *воля*, отсюда и особую значимость обретают выражения *вольный казак*, *казачья воля*, *птица вольная*, *вольный сокол*, за каждым из которых стоит целая система развёрнутых определений и понятий. Ключевое понятие *воля* оказывается в языковом сознании казаков наиболее обстоятельно разработанным: концептуальную значимость для казаков и по сей день имеет историческое понятие воли как абсолютной независимости. Все остальные созначения данного понятия — важные, но сопутствующие. Воля как обретение социальной независимости, освобождение от крепостной неволи, а также от каких-либо обязательств перед государством имела абсолютную значимость прежде всего на первых этапах формирования казачества. В этом смысле *воля* максимально приближена по своим параметрам к анархии, вседозволенности. Но именно она и была возжеланным состоянием, именно она манила, звала, вдохновляла на подвиги, пробуждала отчаянную отвагу и воинскую смекалку.

Восприятие воли как личной независимости от желаний и волеизъявления других, неподчинённости, свободы личного выбора опирается на новые культурные, экономические, социальные нормы внутри казачьего социума и связано с осознанием себя как отдельной личности, а не просто одного из многих (как это, возможно, было ранее), подчиняющегося воле единого организма — *Казачьего круга* (общего выборного собрания казаков), который решал не только общественно значимые проблемы, но и распоряжался личной жизнью каждого казака. Значительное число языковых единиц отражает жизненную ситуацию, поведение человека. Все они являются реализацией базовой метафоры: *отнять свободу воли* — это значит *лишить свободы действий или заметно ограничить эту свободу*, ср.: *водить на мутузке* ‘не позволять действовать по своему желанию’, *подмять под*

себя ‘подчинить своей воле’, *подпиливать рога* ‘сдерживать чью-либо независимость’ и под. Метафора, положенная в основу данных фразем, как бы указывает на общий стиль мировидения, проявляющийся в отборе таких образных ситуаций, которые воспринимаются лингвокультурной общностью как стереотипные для выражения номинативного замысла «лишить своей воли». Эти ситуации отражают «житейские» способы лишения воли, что видно из буквальных значений идиом.

Интересно отметить и другие базовые образы, отражающие идею воздействия на волю человека или проявления собственной воли. Формы проявления своей воли, представленные в семантике диалектных слов и фразем, можно свести к следующим логемам: 1) заставить повиноваться, подчинить себе; 2) показать свою власть, силу, наказывать кого-либо за проступок; 3) не подчиниться чужой воле, выйти из повиновения; 4) оказать сопротивление какому-либо воздействию извне. Первые две группы единиц отражают агрессивный тип поведения, когда проявление собственной воли неизбежно сопровождается подавлением воли другого. Они представлены единицами *гнуть дуги из кого-л*, *лишить притулку*, *вогнать в свою колею*; *дать проборку*, *дать встрёсу*, *жевать жеймя*, *расчесать куделю*, *загнуть салазки*, *завернуть нос* и под. Образная основа большинства таких ФЕ основана на типе телесного наказания.

Проявление своей воли может обнаруживаться не только в подавлении воли другого человека, но и в признании за собой права распоряжаться волей, свободой другого. В этом случае даже предоставление большей свободы другому тем не менее осознаётся как факт агрессивной воли, потому что подчёркивается зависимость свободы одного человека от воли и желания другого, ср.: *отпускать поводья (подруги)* ‘позволять кому-либо вести себя по своему желанию’, *дать поводок* ‘дать волю’. Диалектные ФЕ содержат информацию о неподчинении воле другого, о проявлении силы своего характера, хотя в одном случае это всего лишь пассивное неподчинение, а в другом — активное сопротивление

всякому проявлению насильственной воли «чужого»: *выйти из колеи* ‘перестать подчиняться’, *поднять губу, показать дулю, вставать в дыбы, становиться на дыбошки, как кошка в дыбошки, порвать уздечку* — все фраземы со значением ‘не подчиниться, оказать сопротивление, проявить непокорность’ [Брысина 2003: 281-286].

Вслед за *волей* в языковом сознании казачества определяющее место занимает *служба*. Историческая миссия казачества — служить сторожевым щитом на южных границах Российского государства — нашла семантическую реализацию в выражениях *не рассказывай донскому казаку азовские вести* ‘не говори казаку того, что он знает лучше других, не понаслышке’ (в данной поговорке имплицирован конфликт казачества с азовскими турками), *живут как казак с татаринном*, то есть находятся в состоянии постоянной вражды, непримиримости. Широко представлены в диалекте наименования оружия, воинских казачьих подразделений, боевых приемов и тактик ведения боя, чинов и званий. Подробно ознакомится с этим материалом можно в [Словарь 2011].

6. Конь в донской культуре и языке

Жизнь в седле, прямая зависимость благополучия казака, а нередко и самой его жизни от коня рождает особое отношение к боевому товарищу: *казак голоден, а конь сыт; бесконный не казак; казак без коня, что лодка без весла; погиб бы казак, да конь вынес; спаси коня один раз, а он тебя сорок раз*. Именно конем связаны многие игры (джигитовки, рубка лозы на скаку, поднятие на скаку обронённого платка и др.), направленные на подготовку молодых казаков (малолеток) к будущей службе в казачьих войсках. Неслучайно в диалекте чрезвычайно подробно разработана система наименований типов езды на лошадях, выраженная фонетическими, словообразовательными или лексическими синонимами: *вохлипки, вохлюпью, охлюпка, охлюпки, охлюпкой, охлюпя* ‘без седла (о езде верхом)’, *верхи* ‘верхом’, *рысцой, рыском, рыской, рыскою, рыстью, рыском, наврыски, нарысь* ‘рысью’, *труньком, трюпки, трюпкой, трюпком, труско, трошком, трюхом, трюком* ‘мелкой рысью’, *намётом, в намёт* ‘галопом, очень

быстро’, *одвуконь* ‘о езде верхом с запасным конём’. Такое количественное многообразие наименований, конечно, связано с военизированным бытом на Дону: у воина-казака было особое отношение к лошадям, казак шел служить вместе со своим конём и никогда с ним не разлучался. Да и само посвящение ребёнка-мальчика в казаки (инициация) тоже проводилась только тогда, когда ребёнок мог усидеть в седле (1–1,5 года): крёстный отец сажал его на коня и со словами специальной казачьей молитвы обводил вокруг церкви, после чего мальчика называли настоящим казачонком. П. Н. Краснов отмечал: «Мальчики семи, восьми лет бесстрашно скакали по степи, без седла, на полудиких конях, знали, какая лошадь молодая и какая старая, знали качества и недостатки каждой лошади» [Краснов 1909: §47].

7. Донская казачья песня

Ещё одной культурной особенностью казаков стало их уникальное песнопение. Возможно, такое многообразие песен, их жанров и манер исполнения обусловлено как раз многочисленными военными сборами и походами казаков, когда одолевала тоска по дому и родной донской сторонке, не отпускала мысль о неизбежной гибели (ср.: *у казака смерть в тороках сидит, торока* — походная солдатская сумка, перекидываемая через седло коня), в памяти всплывали былые битвы и кровавые сражения. Песня помогала выжить, отвлечься от горьких мыслей, вселяла бодрость, решительность, надежду. Певучесть казаков обусловила большое многообразие донских песен и соответственно их названий: *протяжная, вилючая, прямая, частая, долгая, затяжная, походная* и мн. др. Есть у казаков и уличные, девичьи, обрядовые песни: *горничная, девичья, карогодная (хороводная), плясучая, прощальная, сватная песня* и др. Они различаются по назначению, по манере исполнения, по месту исполнения и выполняемым функциям: *Кагда нивесту выдают, пають пращальныи песни* (ст. Клетская); *Частыи песни пели на улицы* (х. Верхнегнатов); *Вилючую песню нужна петь с рыфками, с паваротами* (ст. Клетская); *На фтарую вичаринку с вином сабирались, дявичью песню играли* (х. Перекопский). Наряду

с протяжными песнями, в казачьей культуре существуют также былины, лирико-эпические, исторические, военно-бытовые, баллады, а также песни с текстами литературного происхождения, строевые песни. Последние связаны с определёнными условиями исполнения: *пешие, пехотные* поются *под шаг, под ногу*, кавалерийские — *под ход коня*.

Казачьи песенные образы традиционны: то тихий, то беспокойный Дон-батюшка; донской казак, воюющий на чужбине и тоскующий по родным степным просторам; легендарные казачьи атаманы Стенька Разин, Емельян Пугачев, Ермак, Игнат Некрасов; бедная матушка и молодая жена, ожидающие казака с войны; юная казачка, переживающая из-за предстоящего замужества.

Особенным разнообразием отличаются пословицы и поговорки, в которых отражается песенное мастерство казаков: *на Дону истари ведётся: без запевалы песня не поётся; казак без песен, что виноградная лоза без гроздьев; казак в пути не скушает: он песни играет; на Дону казаку и камешек подпеваает; казаки песни в тороках возят; в боях казак славит себя не языком, а песней и клинком; веселы привалы, где казаки запева-лы; казак с песней и в дождь, и в ведро чувствует себя бодро; на Дону что ни хутор, то и своя запевка; казачьи песни слушать — мёд ложкой кушать; у большого каравая и песня весела; чем с плачем жить, так лучше с песней умереть* и др. Как видно из примеров, песня сопровождает казака на протяжении всей его жизни; она его верный спутник и в пути, и в работе, и в бою, и на привале, и на празднике. Казачья песня — одновременно и большая радость, истинное удовольствие, и подспорье в трудную минуту. Донские казаки всегда славились своим мастерством *играть песни*, и пословицы, и поговорки, собранные на Дону, — яркое тому свидетельство, так как в их содержании многоаспектно отражён этот вид деятельности казаков [Брысина 2012: 77].

8. Заключение

Особые условия формирования и развития казачества как обособленного военно-социального сословия способствовали появле-

нию уникального субэтноса русского народа, прославившегося своей самоотверженной преданностью Отечеству, храбростью и выносливостью в борьбе с его врагами, глубиной и искренностью веры в Бога, в Свободу, Независимость и Справедливость, бесконечной любовью к своему родному краю — бескрайним просторам южных степей и великому Тихому Дону. Все трудности военного быта, уникальное устройство казачьего социума, где высшим органом самоуправления является Казачий круг, особенности организации повседневной жизни — всё это нашло отражение в казачьей культуре и языке, аккумулирующих в себе все детали исторических изменений в жизни донских казаков. Этнолингвокультурологический анализ диалектных слов и фразем позволяет утверждать, что в процессе семиотической деятельности диалектоносители, создавая свой уникальный идиом, отражали в нём (как сознательно, так и на уровне коллективного бессознательного) особенности своего мироощущения и миропознания, что в конечном итоге сделало многие диалектные слова и фраземы культурно маркированными единицами языка. Проанализированный материал убедительно доказывает исходную идею о высокой культурологической ценности диалектных слов и фразем, позволяющей использовать данные языковые единицы в качестве богатейшего источника страноведческой информации.

ИСТОЧНИКИ

Словарь 2011 — Словарь донских говоров Волгоградской области. Р.И. Кудряшова (ред.). Волгоград: Издатель. 2011. 737 с.

ЛИТЕРАТУРА

Брысина 2003 — Брысина Е. В. *Этнокультурная идиоматика донского казачества*. Волгоград: Перемена, 2003. 292 с.

Брысина 2012 — Брысина Е. В. Диалектное слово в этнокультурном пространстве. В сб. *Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы*. Волгоград: Перемена, 2012. С. 72-80.

Волков 2008 — Волков И. В. Ранние монеты чеканки Азова. В сб. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г.* В.Я. Кияшко (отв. ред.). Выпуск 23. Азов: Изд-во Азов. музея-заповедника, 2008. С. 425-478.

Коробков 1985 — Коробков Г.Я. *Когда казаки поют*. Волгоград: Нижн.-Волж. кн. изд-во, 1985. 128 с.

Краснов 1909 — Краснов П.Н. *Картины былого тихого Дона: Крат. очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях*. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 522 + XX с.

Крюкова, Супрун — Kryukova I.V., Suprun V.I. *Реки и водоёмы Волгоградской области: Гидронимический словарь*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. 380 с.

Кудряшова 1998 — Кудряшова Р.И. *Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа: На материале донских казачьих говоров Волгоградской области*. Дисс. <...> д-ра филол. наук в форме науч. докл. Волгоград, 1998. 62 с.

Миллер 1953 — Миллер М. А. Славяне и их соседи в новейшей советской интерпретации. *Вестник Института по изучению СССР*. Мюнхен, 1953 (4).

Нарежный, Самарина 2001 — *История Дона и Северного Кавказа с древнейших времён до 1917 года*. А.И. Нарежный, Н.В. Самарина (ред.). Под ред. Ростов/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2001. 464 с.

Савельев 1915 — Савельев Е. П. Древняя история казачества. Новочеркасск, 1915. 443 + VIII с.

Сухоруков 1824 — [Сухоруков В.Д.] Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. В сб. *Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изданная А. Корниловичем*. СПб.: Тип. департа. нар. просвещения, 1824. С. 169–350.

REFERENCES

Брысина 2003 — Brysina E.V. Dialect word in the ethno-cultural space. In: *Slovo i znachenie vo vremeni i prostranstve: dinamicheskie process*. Volgograd: Peremena, 2012, p. 72–80. (in Russian)

Брысина 2012 — Brysina E.V. Ethnocultural idiomatics of the Don Cossacks. Volgograd: Peremena, 2003, 292 p. (in Russian)

Волков 2008 — Volkov I.V. (2008). Early coins of the Azak minting. In: *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. Vypusk 23*. V.Ya. Kiyashko (ed.). Azov: Izd-vo Azov. muzeya-zapovednika, 2008. P. 425–478. (in Russian)

Коробков 1985 — Korobkov G.Ya. *When the Cossacks sing*. Volgograd: Nizhn.-Volzh. kn. izd-vo, 1985, 128 p. (in Russian)

Краснов 1909 — Krasnov P.N. *Pictures of the former quiet Don: A brief sketch of the history of the Don Army for reading in the family, school and military units*. Saint-Peterburg: t-vo R. Golike i A. Vil'borg, 2009, 522 + XX p. (in Russian)

Крюкова, Супрун — Kryukova I.V., Suprun V.I. *Rivers and Reservoirs of the Volgograd region: A Hydronymic Dictionary*. Volgograd, 2009: Izd-vo VGAPK RO, 380 p. (in Russian)

Кудряшова 1998 — Kudryashova R.I. (1998). *The specifics of language processes in dialects of an isolated type: On the material of the Don Cossack dialects of the Volgograd region*. Diss. <...> d-ra filol. nauk v forme nauch. dokl. Volgograd, 1998, 62 p. (in Russian)

Миллер 1953 — Miller M.A. Slavs and their neighbors in

the latest Soviet interpretation. In: *Vestnik Instituta po izucheniyu SSSR*. München, 1953 (4). (in Russian)

Нарежный, Самарина 2001 — The history of the Don and the North Caucasus from ancient times to 1917. A.I. Nareznyi, N.V. Samarina (ed.). Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 2001, 464 p. (in Russian)

Савельев 1915 — Savelev E.P. Ancient history of the Cossacks. Novocherkassk, 1915. 443 + VIII p. (in Russian)

Сухоруков 1824 — [Suhorukov V.D.] Joint life of the Don Cossacks in the XVII and XVIII centuries. In: *Russkaya starina: Karmannaya knizhka dlya lyubitelej otechestvennogo na 1825 god, izdannaya A. Kornilovichem*. Spb.: Tip. depart. nar. prosveshcheniya, 1824, p. 169–350. (in Russian)

SOURCES

Словарь 2011 — Dictionary of the Don dialects of the Volgograd region. R.I. Kudryashova (ed.). Volgograd: Izdatel', 2011, 737 p. (in Russian)